

О. Хартия

The book cover features a stylized illustration of a woman with short blonde hair, wearing a dark long-sleeved top and dark trousers with a tassel, standing on a snowy roof. She holds a long wooden staff. In the background, a snowy landscape with evergreen trees and a wooden building is visible. A figure is seen falling from the sky in the upper left. The title 'БОЖЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ' is written in large white letters across the bottom, with 'ТОМ 2' below it. A decorative white vine-like border is on the left, and a white tree-like symbol is on the right.

БОЖЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ

ТОМ 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О Хартия

Божественное Орудие. Том 2

Серия «Божественное Орудие», книга 2

<https://litres.ru/74024213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Финал истории о божествах, получивших силу для защиты человечества.

Божественные Орудия погибают неспроста - их убийства были запланированы десятки тысяч лет назад. И все это ради людской мечты о могуществе.

Главная героиня, пытаясь спасти возлюбленного, погружается на дно и идет против человечества, возненавидев тех, кого должна защищать. Она теряет свою божественность, но сможет ли она исправиться?

Здесь сплетаются привычные нашему миру мифологии, история, религия и правила нового постапокалиптического мира, в котором стараются выжить герои - божества, когда-то бывшие людьми. Нестандартные герои, хитросплетения судеб и масштаб, затронувший целый мир

Содержание

3 часть. Глава 1. Воспоминания о будущем	4
Глава 2. Безумец	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

О Хартия Божественное Орудие. Том 2

3 часть. Глава 1. Воспоминания о будущем

Пустынная земля за полярным кругом отличалась природной скупостью, мшистыми скалами, бронзовыми красками лишайников, опрокинутых словно случайно из огромного ведра на серые камни, и вечно мерзлой землей. Моржи облюбовали берег острова и переплетались телами так тесно, что среди единой копошащейся массы едва возможно было разглядеть белые клыки.

Некоторые ледники в это время года таяли и сливались воедино с холодным океаном. Другие стояли неподвижно, будто некто посадил их на цепи и оставил охранять север. На одном из них, сливаясь с местностью, сидела в медитации богиня, которой поклонялось все человечество. Мало кто не слышал о ее подвигах в стародавние времена, но в последнее время все ее старания пошли прахом.

Несколько сотен лет назад у ее родного брата-близнеца погибла жена и едва родившийся сын. Сам он стал бессмертным немногим раньше – когда богиня отдала ему часть души. Именно из-за бессмертия, Кайна была против того, чтобы он заводил семью.

Стоило ожидать, чем кончатся его счастливые мгновения, но Авель, зная на что идет, искренне надеялся прожить с женой Саирой до ее старости, вырастить сына и попрощаться с ними. Он хотел хотя бы немного познать радостей человеческой жизни. Но грянула война, соседнее племя разгромило их поселение и уничтожило всех в нем живущих, не щадя ни женщин, ни детей.

И Авель, потеряв рассудок, не смог удержать тьму.

Никогда раньше Кайна не задумывалась о великой цели, не знала, что ей грядет, и спокойно проживала бессмертную жизнь, наставляя людей и помогая им. Так было до тех пор, пока ее брат не сошел с ума. Тьма поглотила его, а поскольку их души были связаны, её тело охватила болезнь. Свет и тьма схлестнулись в вечной битве, выбрав полем сражения ее душу и тело.

Тогда-то к ней и заявили древние существа. Тенеби, так они себя называли. Их было четверо, и сама Кайна, познакомившись с ними ближе, никогда бы не доверила им человечество. Но на то была воля ее предшественника. Да и пришли к ней Тенеби, желая помочь. Они не были уверены, что тьма, охватившая душу брата, связана с болезнью Кайны. На

это у них было другое видение ситуации, и истоком болезни они считали нарушение тонкого устройства мира, в котором должно быть установлено незыблемое равновесие.

Помощь их оказалась жестокой, но Кайна никогда не испытывала сильных чувств и мало о чем сожалела, поэтому с готовностью приняла жертву брата. Он был ничтожен и мал – обычный человек рядом с богиней, хранящей покой на Земле. Так было до самой его смерти – он сам выбрал ее.

Она выздоровела, а Авель воскрес и став ее полной противоположностью, завладел теми же силами что и у нее.

Мир перевернулся с ног на голову. С пришествием Авеля, на планете открылись Врата в иной мир.

Кайна не могла не заметить, что Тенеби этому рады, да они и не собирались скрывать. Врата были открыты для всех желающих, а мир по ту сторону оказался приветливым и наполненным волшебством. Но как только Тенеби начали устраивать в том мире людей, произошли катастрофические изменения.

Авель смог воскресить свое дитя, но не все было так просто – для младенческой души не нашлось подходящего тела. Тогда он создал настоящее чудище из тел павших людей, трехметрового великана, и поселил в него душу едва рожденного сына. Воскресшая с его же помощью Саира – мать ребенка – не была рада этому факту. Да что там радость, она ужасалась жестокости супруга, который мучал её и будучи Божественным Орудием. Считая его монстром, Саира сбе-

жала под покровительство Кайны, и сопровождала ее по сей день.

Авель, потеряв возлюбленную, медленно катился в пропасть, созданную собственным разумом. Он сходил с ума и не знал, как положить этому конец. Кайна же, боясь нарушить равновесие, старалась не вмешиваться.

Но безумие невозможно было остановить или замедлить, Авелю становилось все хуже и хуже. Он не смог удержать тьму внутри себя, и вырвавшись наружу та поглотила неупокоенные души людей. Так он создал первых созданий Тьмы – Шируусов.

Кайна все же решила вмешаться, но ее остановили Тенеби. Они считали, что пока Тьма и Свет нашли приют в телах брата и сестры, и в мире установилось равновесие, никто не имеет право его нарушать. Только так оба мира могли оставаться открытыми, только так люди могли надеяться на будущее, считали они.

И пусть поначалу она была с ними согласна, но время шло и лучше не становилось. Кайна решила пойти против воли Тенеби и найти такой выход из ситуации, который устроит всех и позволит больше никогда не думать о равновесии как о чем-то сломанном.

Она видела тех, в кого превращались народы, принявшие тьму, видела страдания тех, над кем они издевались и кого пожирали. И все, что успевала Кайна, это сражаться с ними. Когда-то у нее была мечта, и она создала Гиперборею для ее

воплощения, но люди нарушили ее доверие, пока она была занята их защитой.

Она не знала за что взяться, все падало из рук. Так называемое «равновесие» оказалось зыбким и принесло миру только боль и страдания. Человечество, которому – она была отчего-то свято уверена – требовалось измениться, обратилось против Кайны. В отчаянии, ей пришлось обратиться к одной из двенадцати сил, самой запретной из них. Все ее нутро, попадая в сплетения времени, устремлялось в будущее, к надежде, которая могла бы установить настоящий, истинный мир. Нельзя было играть с силой времени, о чем ей было известно, но другого выхода не предвиделось.

И вот, сегодня Кайна сидела на леднике, укрытая белым плащом и обращалась всей сущностью в будущее. Этим она занималась уже не первый десяток лет, постоянно прерываясь на борьбу с Шируусами.

Саира стояла на каменном берегу острова и поглядывала на богиню, не зная, ожидать ли озарения. Кайна пустилась в реки времени не просто так, а запланировав найти желаемый исход. Точку во времени и пространстве, которая поможет закрыть потребность мира в равновесии. Этой точкой были особенные люди, которых теперь Кайна выискивала.

Саире этот план казался неосуществимым. Найти подходящих людей было пусть и малой частью того, что предстояло сделать, но самой сложной. Бесплотная сущность, называемая светом, имела собственные планы на мир и прием-

ников.

Двенадцать божеств, по одному на каждую силу. Это было самым легким в плане. Тот, кто унаследует душу Кайны вместе со светом, просто должен будет разделить силы, и передать их подходящим сосудам-людям.

Но что, если «сосуды» не подходят для осуществления плана?

Критерии выбора для света очень просты – им может стать любой человек, чья доброта и любовь к людям устойчива. Те, кто никогда не сможет убить, те, что неспособны воспрять против спасения мира. Те, чью душу не сможет поглотить тьма.

Такие люди всегда были, есть и будут. Рожденные защитниками человечества, ангелы в людском теле.

Именно в критериях отбора божеств и была несостыковка с планом Кайны.

– Нужен любой человек, – объясняла она Саире не один раз, – способный принять тьму. Человек, который будет любить так, что свет от него откажется. Мы насильно поместим свет в него.

Итак, Кайна планировала найти не ангела в людском облики – наоборот. На вопрос «для чего?», Кайна сурово молчала и отводила взгляд. Но однажды, во время разработки плана, Саира справедливо подметила:

– Все ли могут стать Божественным Орудием? Что, если у одного из божеств не получится призвать близкого чело-

века?

– Такое возможно, – кивнула Кайна. – Любой из людей, что пережил нашествие Шируусов, и не стал одним из них, способен стать Божественным Орудием. Именно поэтому, божествам придётся подождать несколько сезонов. Это отбор.

– Значит, только Шируусов нельзя сделать Божественным Орудием?

– Нет, – Кайна скрестила руки на груди и задумчиво осмотрев Саиру с ног до головы, намеками посвятила её наконец-то в свои планы: – любого из тех, кто способен безболезненно принять свет, тоже нельзя сделать Божественным Орудием.

«Ангелы» не могут стать Божественными Орудиями

В тот раз Саира не поняла, о чем сообщила ей Кайна. Но когда осознала, то поняла, что богиня, которой она прислуживала, оказалась настоящим виртуозом мысли. Решение было таким простым и близким!

Белой Богине оставалось только найти из миллиардов людей, живущих в будущем, подходящие кандидатуры. Их должно быть двое – лишь двое из двенадцати, чтобы сохранить могущество божественного света.

Кайна резко встала с айсберга. Ее золотые глаза на мгновение устремились к горизонту, после чего без лишних движений она телепортировалась к Саире.

– Идем, – быстро произнесла она. – Идем пока я помню.

Она схватила Саиру за предплечье и переместилась в подземную крепость. Это было полупустое помещение с каменными стенами и небольшим круглым озером у дальней стены.

– Слушай внимательно и запоминай. Через несколько мгновений, я все забуду. Я должна погибнуть, но моя душа навсегда останется с человечеством. Божественное пламя не убьет меня окончательно.

– Ты уверена? – ровным тоном спросила Саира. – Это единственный выход?

– Единственный, – подтвердила Кайна и стиснув зубы придирчиво осмотрела компаньонку. – Я нашла их. Судьбы, которые мы должны изменить.

Кайна во время разговора поворачивалась к Саире лицом и под конец взяла ту за щеки и заглянула в глаза.

Саира не успела ничего ответить, как перед ее глазами пронеслись тысячи лет. Кайна показала ей все, что должно будет произойти. Точней, то, что никогда не должно будет случиться, события и судьбы, которые нужно изменить в написанной истории будущего, чтобы спасти человечество.

Тогда она еще не была той сильной личностью, которой станет за тысячи лет жизни, и понимание, что ей придется причинять боль другим, легло на плечи тяжким бременем.

Она увидела лица двух женщин, которые станут её главной целью и осела на колени. Из глаз лились слезы, а тело покрывалось мелкой дрожью.

– Я не хочу этого делать – прошептала она. – Не могу, не хочу

– Придется, – отрезала Кайна.

– Эти дети Это большая жертва.

– Это самая маленькая жертва из всех возможных! – строго прикрикнула Кайна и отчеканила: – единственный выход. Настоящее равновесие! Спасение мира и миллиарда людей!

Саира не видела ничего сквозь залитые слезами глаза, но смогла заметить, как Кайна подняла руку, и каменная стена покрылась красочной плиткой с изображениями.

– Что это? – Саира все еще не могла разглядеть художества богини, но снова обратившись к подаренным ей воспоминаниям о будущем, ответила на вопрос сама: – ловушка

Кайна пошатнулась, что предвещало забвение, села перед Саирой на колени, лицом к лицу. Она положила руки ей на плечи и заглянув во влажные глаза произнесла умоляющим тоном:

– Спаси их, Саира. У тебя есть только эти двое. Защити наш мир, и спаси их от самих себя. И не забудь объяснить Тенеби важность упоминания конца света. Пусть у людей будет хотя бы шанс, хотя бы намек на последний день – тогда они смогут спрятаться и выжить, если все пойдет не по плану.

В последних словах был упрек, направленный Саире. Кайна имела ввиду, что та может не справиться, не сделать все так, как положено. А значит, ее богиня что-то видела в будущем касательно вклада Саиры в план. И теперь ей ни в коем

случае нельзя отклониться от предначертанного пути. Потому что на кону стояло все человечество.

Последним днем был день солнцестояния – на севере зимний, на юге летний. День, в который комета должна уничтожить мир. Но в плане Кайны все должно дойти до крайности.

Мир сможет выжить только если у него останется один, последний шанс.

Глава 2. Безумец

Казалось бы, человеку, живущему тысячи лет, не должен на веки бессмертия запомниться всего один день. Но то был день, когда жизнь мальчика навсегда изменилась.

Совпадением ли было его рождение в царской семье наследником великого Иудейского престола, или то было выбрано не случайно – не появление на свет, конечно же, а избрание именно его в преемники изувера?..

Тогда у него было другое имя, которое он предпочел забыть. Маленький ребенок, росший в богатстве и мудрости, исчез на седьмой день рождения.

В тот знаменательный день Эбу не смог проснуться.

Он помнил, как открыл глаза, но никак не мог понять почему все вокруг кричат о проклятии. Его называли джинном, чужаком, избегали и боялись взглянуть на него. Эбу очень хотел узнать, что с ним случилось, почему всеми любимого первого сына царя вдруг стали бояться, но не мог – собственное тело перестало слушаться.

Из своих уст он слышал слова, которых не мог до этого знать. Никто из слуг не понимал языка, на котором он говорил. Только он знал, что произнес ставший чужим рот, и это были мольбы о прощении.

Но перед кем он извинялся? Или это извинялись перед ним?

Кто вселился в его тело?

Эбу не знал этого. Он заснул и спал так долго, что проснуться смог только у смертного одра своего царственного отца. Сначала он его даже не признал – так сильно тот постарел. Вокруг были люди, боящиеся приблизиться к Эбу даже на десять шагов. Все шептались и опускали взгляды. Он же стоял в отдалении – изгой среди народа, которым рожден править. Чужак, заснувший в семь лет и очнувшийся на похоронах отца.

«Попрощайся с ним» – сказал голос в его голове. И Эбу без всяких сомнений последовал совету. Он плакал навзрыд, цепляясь за ноги трупа, словно маленькое дитя

Ему и было семь лет.

Сегодня должен был быть его день рождения. Но почему его великий отец так постарел? Почему собственное тело высокое и сложено как взрослое?!

Эбу обернулся и умоляюще взглянул на слуг и младшего брата. Тот, расширив глаза, разглядывал бывшего наследника престола, не решаясь заговорить.

– Брат? – спросил Эбу. – Почему ты такой взрослый, Еди?

Едидья, в будущем прозванный царем Соломоном, посерел от ужаса. Он плохо помнил первого сына, и знал лишь что тот, став чудищем в детстве, тотчас же исчез, произнесся страшные слова на неизвестном языке. И сейчас это белёсое нечто возникло в зале погребения из ниоткуда, напугав всех до единого и нарушив траурное молчание.

– Где ты был, Адония? Кем ты стал, старший брат?

– Я не Я

– Твои волосы белей молока, а глаза как два мертвых моря! Кто ты, брат мой?

Эбу молчал. Он попросту не знал, что ему ответить. Его отец при смерти, а третий брат – смешливый ребенок с едва прорезавшимися зубами – вырос в крепкого мужчину. Что ему было делать?

Грохнувшись на колени, Эбу уткнулся лбом в пол.

– Спаси меня, Еди! Помоги мне!

Но вопреки всему, третий брат не разжалобился. Скрестив густые брови у переносицы, он грозно и величаво спросил:

– Решил устроить переворот, Адония? Престол давно принадлежит мне! Меня выбрал Бог и отец. Я – милосердный и мудрый царь, что обещан иудейскому народу!

Эбу не знал, что сказать, он чувствовал себя потерянным, униженным, маленьким ребенком в этом огромном мире. Он ничего не понимал, не знал, в чем провинился. Еще вчера он ждал дня рождения, а сегодня оказался врагом царства.

– Еди, я

«Отрекись от престола, дитя, и он пощадит тебя» – раздался голос в голове. Эбу решил послушать его. Как забитый палками бедняк он прижался к полу и дрожа от страха произнес:

– Я отрекаюсь от престола.

Едидья шумно вздохнул, подошел к старшему брату, исчезнувшему на седьмой день рожденья и присел перед ним на корточки. Он долго смотрел на его белые волосы, после чего грубо схватился за них и повернул на себя лицо Эбу.

– Веди себя безупречно и останешься жив.

– Я сделаю все для тебя, мой царственный брат. Я виноват, прости меня. Прости! – Эбу упал ничком и разревелся. Совсем как маленький, он ревел навзрыд, не понимая в чем его вина.

Едидья даже не подразумевал, какой козырь заимел в рукаве. А Эбу был готов на что угодно, лишь бы угодить брату. Голос в голове пропал, и он не смел никому говорить о призраках, что завладели им, отложив признание до некоторых времен.

Его третий брат взошел на престол, ему пророчили мудрое царствование и ожидали великих подвигов. Поначалу он был подозрителен к брату, но вскоре понял, что тот умственно и морально не здоров. Он был не предателем, а всего лишь глупым ребенком, а посему Едидья над ним сжалобился и приставил к недалекому брату няню и учителя.

Целый год Эбу сам исследовал новый, взрослый мир. Он был неуклюж, не разбирался в людских отношениях и иногда вытворял совсем уж нелепые поступки.

Так, ему однажды очень сильно захотелось попробовать гранаты из сада во дворце. Они мозолили ему глаза каждый

день, когда он прогуливался мимо. Но когда он спрашивал злобную женщину, что ходила за ним по пятам, можно ли ему попробовать эти гранаты, та громко кричала на него, заявляя какой он невежественный дурак.

В ответ он мог лишь глупо моргать белыми ресницами.

Эбу не понимал, что сделал не так. Попроси он в прошлом гранат с любого дерева в Израильском царстве, слуги сражались бы за честь угодить наследнику. Теперь же он стал никем, тенью третьего брата, и изо всех сил старался не создавать проблем.

Но эти бордовые, сочные гранаты, так привлекали его, манили. Казалось, что он умрет, если не попробует хотя бы косточку. Всего лишь одну!

С этой навязчивой мыслью Эбу выбрался ночью из кровати. Он чувствовал себя преступником, пробираясь сквозь тонкие разлетающиеся занавески и крадясь между деревьев и кустарников. Взрослый мужчина царственного рода вел себя как маленький неумелый воришка в собственном дворце. Он так сильно нервничал, что случайно поскользнулся и полетел по лестнице вниз, прямо в лапы охраны.

Скатываясь по ступеням и не чувствуя боли, он надрывно кричал в сердцах, моля кого-нибудь сделать так, чтобы его не увидели.

Сторож, улыбаясь и стараясь не рассмеяться, смотрел как умственно неполноценный брат царя падает с лестницы и уже собирался шутливо отругать его, как вдруг потерял дар

речи. Это белёсое глупое дитя, на последней ступени вдруг сделалось мышью.

Маленькая белая мышь пискнула и попыталась вновь запрыгнуть наверх, но ступени были слишком высокими для нее. Тогда она развернулась и побежала вдоль ступеньки, подпрыгивая на каждом шагу. Охранник быстро схватил ее за хвост, поднял и разглядел. Мышь крепко закрыла глаза и боялась издать хоть звук.

Когда Едидью разбудили, он тяжело вздохнул, оделся и вышел из покоев.

– Мышь? Как посмел ты будить меня из-за такой мелочи?

– Ваше Величество! Это ваш брат Это Адония! Я своими глазами видел, как

– Молчать. – Приказал Едидья и потеряв переносицу, ухватился за живот мыши. Та пискнула и попыталась вырваться.

Следующие свои слова он счел бредовыми и нелепыми, но все же спросил, закатывая глаза от абсурдности ситуации:

– Адония, это ты?

Мышь вновь предприняла попытки сбежать, но, поняв наконец, что находится в безвыходном положении, вдруг заговорила голосом Эбу, не открывая желтозубого рта:

– Это я, мой царственный брат.

Врать царю он не смел, молчать тоже. Главный урок, который он выучил за последний год – будь послушным, и все будет в порядке. Пока брат не злился, его вкусно кормили и

разрешали гулять. Если же гнев государя был направлен на него, то, казалось, весь мир обращался против маленького Адонии.

Едидья нахмурил брови и глянул на охранника.

– Расскажешь кому-то и тебя ждет казнь.

– Да, мой царь!

Зайдя в личные покои и закрыв за собой дверь, царь Соломон уложил мышь на стол перед собой и начал разглядывать, вертя ее за хвост.

– Как ты это сделал, Адония?.. – пространно произнес он.

Эбу задавал себе тот же вопрос. Как он мог сотворить подобное чудо? Он вспомнил загадочный голос в голове, и позвал его:

«Ты слышишь меня? Ответь! Как я стал мышью?»

Долгое время никто не отвечал, и третий брат начал терять терпение. Эбу попытался заставить свое тело вернуться в норму, но у него никак не получалось. И все же он так сильно старался, что в голове всплыло чужое воспоминание.

Тогда он почему-то был девочкой с такими же белыми волосами и темной кожей. Маленькую руку крепко сжимал какой-то парнишка и с боязливой привязанностью смотрел на него, а впереди перед ними стоял сурового вида мужчина.

«Жрец» – пронеслось в его голове объяснение. Высокий и седовласый человек поклонился перед ним:

– Божественное дитя.

В далёком будущем, когда Эбу встанет на путь становле-

ния богом, он познакомится с человеком, голос которого покажется ему знакомым. И лишь через долгое время он догадается, что один из четырёх Тенеби – самый неприметный, Мавет, – был жрецом, самолично обучающем Кайну.

Уста Эбу, ставшие устами беловолосой девочки, приоткрылись и из них раздалось равнодушное:

– Учи меня, старый человек.

Таких слов уж точно не ожидаешь услышать от ребенка, но жрец не опешил. Не желая впадать в немилость у маленького божества, он поднялся и спросил:

– Это правда, что вы смогли обратиться семью животными и стать тремя огнями?

– Правда – тихо, словно забитое в угол животное, произнес мальчик, что держал Эбу за руку. От этого мальчишки чувствовался страх, но при этом он озирался по сторонам так, будто в любую минуту готов был сорваться и закрыть своим телом девочку, в теле которой оказался Эбу.

– Тогда прошу Вас, покажите мне.

Казалось, ничего не могло затронуть детское сердце этой девочки. Ни одной эмоции, ни капли злости или радости. Даже просьба этого человека была пустяком.

Она безмятежно моргнула и превратилась в птицу – и Эбу в полной мере прочувствовал изменения собственной плотью. Взмахнув пару раз крыльями, она тут же обратилась змеей и упав наземь, начала медленно вращать изящно опасным хвостом. Мальчик присел и подставил свою ладошку

под змею. Та заползла ему на руку и начала медленно изменяться, превращаясь в небольшого золотого дракона. Он обвил руку мальчика и взглянул на потрясенного жреца. И сразу же окружающий мир содрогнулся от громких речей маленькой божественной девочки.

– Достаточно? Научи меня другой силе, жрец. Я хочу знать, из чего состоит этот мир, хочу видеть его насквозь.

Мужчина снова присел в поклон и часто моргая попросил девочку:

– Прошу вас, Божественное дитя, станьте человеком и тогда я вас научу.

В сердце этого ребенка не было места нетерпению, она спокойно взлетела в воздух и плавно опустившись на землю, обратилась человеком.

Воспоминание закончилось, и Эбу почувствовал себя выброшенной на берег рыбой. Его маленький мышинный рот открылся, пытаясь ухватить побольше воздуха.

– Брат, мне страшно! – закричал он, не пошевелив мышинным язычком. Просто его слишком громкие мысли прорывались из головы сразу наружу.

Едидья стиснул зубы и хотел уже закричать на несносного тупоголового брата, но усталость взяла верх, и он протянул руку чтобы погладить изменившегося брата между растопыренных белых ушей.

Странно, но это сработало и Эбу успокоился – влияние царя на старшего брата было очень велико, именно от того

Эбу было приятно в будущем унижать его, заимев над ним власть. Царь Соломон в посмертии стал носителем части души брата и погиб во второй раз от его руки. Смерть Едидьи положит начало сумасшествию Эбу, но станет единственной приятной из всех, сотворенных им.

Сейчас же, тревога медленно отступала, и будучи способным подумать, Эбу понял, что ему показали, как именно происходит процесс изменения тела.

Эбу дождался, когда брат уберет руку и попытался ощутить то, что чувствовала беловолосая девочка. И у него получилось – за одно краткое мгновение его тело превратилось из мышиноного в человеческое. Даже одежда на нем осталась та же, что и прежде.

Он испугано смотрел на младшего брата, ждущего объяснений, и не знал, что сказать. Эбу было по-настоящему страшно от его взгляда, он боялся и боготворил царя, как его тому учили весь год. Он знал, что его ничтожная жизнь зависит от каждого действия и слова, но не понимал, почему некоторые его слова были неправильными и вызывали гнев у брата.

Как ни крути, а по возрасту он был ещё совсем ребёнком, несмотря на недетское тело. Где он пропадал все это время? Что с ним случилось? Откуда у него эти способности и что стало с телом?

Эбу запереживал. Он вспомнил сказку, что рассказывала ему нянечка, и неуверенно произнес:

– Джинн моё тело захватил джинн.

Едидья закатил глаза и сел на резной стул. Ожидая продолжения, он скрестил руки на груди и недовольно поджал губы.

– Я хотел гранат, – сбивчиво объяснял Эбу, нервно теребя одежду чтобы не заплакать, – но там был охранник и я испугался так сильно, что стал я стал мышью. Я видел все так низко, но это все ещё был я! А потом девочка в голове, она показала мне как превращалась в неведомых зверюшек, я повторил за ней, и вот

Царь иудейского народа тяжело вздохнул и махнул рукой в сторону брата:

– Стань горлицей.

– Горлица – Эбу нервно вспоминал как выглядят эти животные.

Ему нельзя было не выполнить приказ царя, и это было самым главным правилом в жизни. Он сильно зажмурился, сжал кулаки и напряг все мышцы тела. С большим трудом смог он обратиться птицей со светло-коричневым оперением. Два синих глаза посмотрели на Едидью.

Эбу безмолвно ликовал и радовался, что ему удалось выполнить просьбу брата, поэтому в облике птицы он начал довольно размахивать крыльями.

– Твои глаза выдают тебя, – царь наклонился и развернув одно его крыло, ощупал перья с придирчивым взглядом. – Измени их.

Эбу без заминки сделал, как требовалось. Едидья почесал густую бороду и хитро улыбнулся.

Как и любой правитель человеческого мира, он размышлял, к каким преимуществам привело решение оставить брата в живых. Заставить это глупое дитя с огромной силой выполнять все его приказы не было чем-то сложным. Только незрячий мог не заметить, как Адония боготворит царя. С таким братом под своим началом он мог достичь небывалых высот и вознести Израильское царство до небес.

– Обратись мной, брат мой, – его глаза блестели, когда он отдал новый приказ.

Эбу не представлял, как это сделать, поэтому на этот раз ему понадобилось больше времени на перевоплощение. Но все же он выполнил приказ.

Сидя на стуле, Едидья с ухмылкой разглядывал глупо вытаращившуюся свою копию.

С тех пор царь принялся самостоятельно обучать старшего брата Адонию. Помимо его уроков, Эбу теперь видел чужие воспоминания, помогающие ему творить все новые и новые чудеса.

Он научился управлять ветром, водой, светом и растениями, и во дворце появились небывалой красоты фонтаны в окружении необычных деревьев и кустарников. Под потолком каждой комнаты теперь сверкали блестящие шары, зажигающиеся сами по себе с наступлением темноты.

Он любил создавать необычные диковинки и дарить их брату, пробуя каждый раз новый материал. Жены и наложницы царя ходили в самых лучших одеждах, к которым не прилипала грязь. В каждой комнате было место с небольшим ледником, у которого можно было охладиться в зной. В садах цвели неведанные раньше кустарники и цветы. Иудейское царство вошло в свой рассвет.

Эбу продолжал учиться. Он не знал, кто был его помощницей, но часто благодарил её за возможность прекрасно жить.

Мало по малу, он вырослел. Теперь отношения людей для него не были чем-то загадочным. Он понимал, что пока служит своему брату, его жизнь будет благоустроенной. Но все еще не догадывался о настоящей мощи, сокрытой в нем.

Эбу отлично приноровился подменять царя на престоле, когда тот того требовал. Он изучил его мимику, образ мыслей, манеру разговора и жесты. Когда Эбу в обличии брата стоял рядом с ним, их было не отличить друг от друга.

Первой маской Эбу стал царь Соломон. И за этой маской он порой забывал себя.

Однажды, когда ему по собственным меркам исполнилось пятнадцать лет, брат заболел. Но никто из подданных, кроме особо приближенных, не знал об этом, поскольку царь так и продолжал сидеть на престоле.

Даже его наложницы и самые верные подданные не замечали подмены, когда к ногам Эбу привели преступника.

Царь редко вмешивался в правосудие. Кражи, убийства или мелкие потасовки никак его не касались. Ему приводили только самых матёрых преступников. И теперь перед Эбу стоял на коленях мужчина, жестоко убивший семью военачальника. В этот день должна была состояться его показательная казнь.

От слуг и министров он узнал, что этот бедный человек под покровом ночи пробрался в поместье генерала и зарезал всех, кто находился в доме. Все наложницы, дети и даже слуги под утро оказались мертвы. Сам же преступник даже не скрывал совершённого им. Окровавленный, он сел у порога дома, дожидаясь властей.

Дело было шито белыми нитками, и приговор был понятен всем.

Но вот беда, Эбу не смог его огласить. Язык не поворачивался, хотя он отлично понимал, что приговор справедлив.

Эбу не смог самолично лишить человека жизни.

От этого понимания у него забурило кровь. Он стиснул зубы и, не обращая внимания на присутствующих в тронном зале, встал и отвернувшись от преступника, глухо сказал:

– В темницу его. Пусть ожидает дальнейшей воли государя.

Слуги обомлели, а министры все как один загалдели в голос. Эбу стоял спиной к людям и хмурился. В его блуждающем взгляде ясно читалась растерянность, он сам не понимал почему это случилось. Почему одно простое слово «каз-

нить» не может вырваться из его рта.

– Это не обсуждается, – мрачно сказал он и быстрым шагом вышел из тронного зала, пытаясь увернуться от недоуменных взглядов.

Оставшись один, Эбу прижался к стене и отдышался.

«Почему я не могу этого сделать?», – вопрошал он, покрываясь липким потом. И впервые за долгое время ему ответил голос в голове:

«Божество не может вредить людям».

Эбу с широко открытыми глазами скатился вниз по стене, меняя облик на свой. Пока никого не было рядом, он пытался справиться с внезапной паникой, поглаживая беловолосую голову.

«Но я не божество Я не божество Я не»

«Всё именно так, дитя».

– Кто ты?! – взревел он. – Кто ты такая? Что тебе нужно? Отстань от меня, вылезь из моей головы!

«Я теперь часть тебя», – тоскливо ответил ему женский рассудительный голос. – «Твоя сила принадлежала мне. Наши души переплелись в твоём теле. Но я даю тебе полную волю. Ты можешь поступать как хочешь.»

Эбу сердито усмехнулся. Он провел ладонью по лицу и возвел лицо к потолку.

«Смешно, ха-ха-ха! Очень смешно. – Он пытался за что-нибудь ухватиться взглядом, чтобы успокоить растерзанный разум, но, когда у это не получилось, он гневно отчеканил в

голове: – убирайся прочь из моего тела. Мне не нужна твоя сила и душа. Пошла вон!»

«Дитя»

«Я хочу жить обычной жизнью. Убирайся!»

«Ты всемогущественный. Все, что ты захочешь, будет твоим, – пыталась убедить его Кайна, думая и надеясь, что власть развратит обычного человека, каким был Эбу. – Будешь жить вечность. Люди будут боготворить тебя, поклоняться и ожидать твоей воли»

«Мне это не нужно», – прервал её Эбу.

Он встал с пола и поплелся в покои царя. Его сердце упало к ногам, когда Кайна сменила тон:

«Если ты откажешься, я захвачу твоё тело, как сделала в семилетие. Ты будешь заперт в собственной плоти и не сможешь даже слова сказать. Так будет продолжаться тысячами, пока мы не исполним наше предназначение».

Эбу остановился, сжал кулаки и оцепенело посмотрел вперед. Он находился в огромной галерее, обставленной разными диковинками, созданными его руками. Одна из аляпистых ваз с расписным узором привлекла его взгляд.

Сила материи полюбила его больше остальных. Все, что он мог создать с её помощью, зависело только от его фантазии. Он полностью погружался в процесс, создавая удивительные материалы и изменяя их так, как пожелает того его вдохновение.

Ему нравилось смотреть как со временем его творения из-

менялись, будь то выгорание красок от солнечного цвета или маленькие трещинки. Он любил эти перемены в созданных им предметах. Не возражал, когда их жизнь естественным образом подходила к концу. Это было правильно.

Нет ничего более гармоничного в этой жизни, как смерть.

Конечно же, от него не укрылось, что его раны заживали сами собой, но он считал это побочным действием способности изменяться. Но жить вечно

«Почему я? – спросил он. – Найди себе другое тело.»

«Моя душа сама выбрала тебя, дитя. Она нашла тебя по яркому свету, который ты издавал. То, что ты не желаешь быть богом – естественно. Только такую душу мог выбрать Свет. Только того, кто всем сердцем любит людей и готов пожертвовать ради них всем».

«Но зачем? Разве я нужен? Зачем это все», – он не мог сформулировать мысль, имея ввиду «для чего мне быть Богом»? Как один маленький человек может помочь? Или дело в его происхождении?

Эбу подошёл ближе и провел пальцами по шероховатой поверхности вазы. В его голове промелькнула мысль, что ей не хватает цветов, но сразу же утекла прочь.

«Без тебя люди будут в опасности. Помоги им. Помоги мне спасти этот мир».

Синие глаза Эбу поймали солнечный блик. Он так долго смотрел на вазу, что, кажется, увидел частицы, из которых она состоит.

«Какую цену я заплачу за это?» – сердце сковали невидимые путы. Ему было обидно за себя и страшно.

Страшно

Эбу надоело бояться!

Когда его растили как будущего царя, отцу казалось мудрым решением заставить его бояться ответственности. Он рос, зная, что за каждым его словом и действием будут пристально наблюдать. Понимал, что любое принятое им решение, будет нести последствие.

Когда он сбросил с себя шкуру наследника, он стал бояться брата, считая, что от того зависит его благополучие.

В его жизни был только страх.

Изо дня в день он просыпался, боясь, что сделает что-то не так. Страшась последствий, он бы с удовольствием отказался от выполнения любых действий. Эбу мечтал счастливо прожить жизнь простолюдина, полную обыденных радостей и смеха собственных детей.

Разве он много просил?

«Когда я покажу тебе все, что знаю сама, мы сольемся. Ты до конца поглотит мою силу. И тогда твоё сердце забудет любовь. Забудет боль и тревоги. Ничего не будет способно его затронуть». – Она сделала акцент на слове «тревоги», потому что знала его лучше всех и видела его душу насквозь.

Когда они сольются, Эбу станет вазой без цветов. Красивой, но пустой.

«Ты хочешь забрать у меня жизнь»

«Одна жизнь взамен на миллиарды, понимаешь дитя? Да, это твоя жизнь. Но кто-то ведь должен страдать ради других? Кто-то должен заплатить огромную цену, чтобы остальные продолжали жить. Прости меня, что выбор пал на тебя. Но это означает, что именно ты должен пройти этот путь. Только ты справишься с поставленной задачей.»

«Какой задачей? Что я должен сделать?» – чутье Эбу кричало о том, что ему не следует соглашаться. Но он понимал, что Кайна права. И как он мог передать кому-то жертвенную роль? Кем он будет после этого? Как сможет жить со спокойной совестью?

«Я многое не помню, дитя»

Эбу горько рассмеялся. Из его глаз лились печальные слезы. Он чувствовал, что закапывает себя в могилу, но не мог позволить себе такую малость как счастливую жизнь. Когда ему было семь лет, его судьба совершила крутой поворот и дала ему особую ношу. Если он откажется от будущего, от этой ноши, пострадает кто-то другой.

Власть и бессмертие его не привлекали. Но он не хотел жить, осознавая, что спасся ценой жизни другого человека.

«А ты? – спросил он. – Ты оставишь меня в покое?»

«Только когда все закончится. Тогда моя душа покинет твоё тело.»

Эбу опустил плечи. Его взгляд был печальным. Он не знал, что ему предстоит сделать. Не знал, какую именно цену он должен заплатить за сохранение мира. Но согласился.

Тогда Эбу не понимал, что в глазах других он будет чудовищем, что именно эта роль ему уготована. Но даже когда он поймёт, кем его видят, даже когда вновь почувствует страх за жизнь, он не свернёт с назначенного пути.

Однажды, через тысячи лет, он встретит человека, так похожего на него. Того тоже будут ненавидеть, считать его презренным. Но Эбу увидит в глазах этого человека такую же боль и постарается его излечить.

Лжец видит лжеца.

Они оба просто обязаны играть отведённые им роли. Быть изгнанными для того, чтобы люди не страдали. Быть нелюбимыми, казаться ненормальными, носить маски.

Найдя похожего на него, Эбу совершит возможно самую большую ошибку в жизни, но никогда не пожалеет об этом.

Он хотел быть собой. Пусть только он сам будет знать о том человеке, что прячется за маской равнодушия и сумасшествия. В конце концов, делать маски и надевать чужие личины его учили с самого детства.

Ему всего-то нужно сыграть определённую роль. Быть ненормальным убийцей. Делать вид, что не больно пронзать чужую плоть. Никто никогда не узнает, что, убивая Божественных Орудий, он каждый раз страдает. Никто не заметит этого, пока он будет продолжать играть роль.

Но маска однажды срastёт с кожей, и действия, которые он никогда не хотел совершать, покажутся не только правильными, но и приятными. Эбу так долго ненавидел себя за

слабость перед будущим, так долго заставлял себя не противиться ему, что в итоге объединился с тем безумием, в которое раньше только играл.

Эбу не был сошедшим с ума от власти, ударившей ему в голову, но за тысячи прожитых лет он стал безумным от цели, передавшейся по наследству, от плана, в котором он был простой пешкой. Боль его тела была ничем по сравнению с тем, что происходило в его душе.

Разорванный на части, на грани своей личности, изнывающий от забытых когда-то чувств, трясущийся от страха убийца. Он был сумасшедшим и потерявшим себя, он забыл того человека, которым был рань

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.